

Поэзия и время

Николай Болдырев

Хранитель истины

Что такое писание стихов? Это говорение из сущности человека. Но в чем эта сущность? Существо языка – сама тишина. Я соглашаюсь с Хайдеггером в том, что в сущность языка входит то, на что он намекает. То есть не называет, не определяет, не дает знание. «Намёк – основная черта слова». С одной стороны – знаки и шифры, с другой – жесты и намеки. К сущности ведут жесты и намеки. В новой западной традиции – полная выговоренность, четкость формулировок даже в отношениях личных, подспудный приказ как волеие сильного. На Востоке – недоговоренность, намёк, неутеснение, предположительность, дающие возможность иметь поле зазора между индивидами. Светящаяся исподволь сокровенность души – вот что красота на Востоке. Запад нашей души созидает красоту вместо поэзии. Ибо тайна поэзии позабыта-позаброшена. Красота созидается как условие комфорта личности и ее самоублажения. «Полюби себя!» Восток в нас ищет реликты поэзии и дает им явиться. В красоте нет ничего неприкосновенного, в поэзии оно есть непременно: потаенное, ибо божественное, то есть тревожащее таинственное в нас пограничье. Красота вся в вещном, в предмете. Поэзия в неуловимо-летучем, не могущем быть определенным и потому проданным. Красота бьет на эффект, добывается прямого восторга. Поэзия намекает на тайну, на потаенную основу нашего бытия.

Истинный разговор – это разговор во имя отыскания сущности друг в друге, и он, конечно, может состояться лишь за пределами «общественного».

Если смерть – хранитель бытия, то человек – хранитель существа бытия. Не случайно философ приходит к выводу о «единственном достоинстве человека»: «возможности стать хранителем истины бытия». Но истина бытия и есть то таинство, что древние поименовали как логос.

Словесность тоже есть форма сущего, как и игра на скрипке. Вот только всякая ли словесность: качество вибрации есть решающая величина. Когда ангел изумленно слушает, как мальчик играет на деревянной лодочке с натянутыми жилами, то это великий поэт так слушает: слушает не то чтобы из небытия в бытие, но из того единого круга бытия, который мы можем уловить лишь слушая скрипочку так, будто мы уже вне жизни, то есть вне ее условий. Мы заглядываем иногда *сюда* словно ангелы. В эти мгновения мы суци.

Местность своей поэзии истинные поэты, не сговариваясь, называли и называют отрешенностью. Отрешенностью от чего? Конечно, от «духа времени», от этой скудной, утратившей всякое представление о духовном эпохи, от выродившегося, растленного человеческого рода. Поэтому «сочинять стихи значит: пере-сказывать; вторить изреченному блаженному пенью *духа отрешенности*». Это то, что можно услышать порой

в призыве муэдзина или в песне кочующего бедуина за-планетное иномирье, то есть касанье духа, как он есть. Лорка писал об андалузских песнях *канте хондо* как о реликтовых откликах древнейших песен Востока, где частично сохранилось то первобытное чувство, «близкое к естественной музыке леса и родника» и одновременно обладающее ужасом обнаженного стояния. Здесь предельность и запредельность человеческого экзистенциального полета. Это словно твой последний танец на земле. Это словно забвение всего земного. Но таков принцип любого истинного искусства, будь то баллада Шопена или эпюд Скрыбина: это предсмертный вскрик птицы: великой души.

Это *дуэнде* Лорки: «эти черные звуки – тайна, корни, вросшие в топь, про которую все мы знаем, о которой ничего не ведаем, но из которой приходит к нам главное в искусстве». Каждому поэту «надо будить *дуэнде* самому в тайниках своей крови».

Дыхание истинного поэта давно стало возвратным. Оно не поддается интерпретациям, потому что интерпретационное люциферианство ищет что облудать, но у поэта, движущегося возвратно, нет той плоти, которую можно для этого использовать. На плоть мира уже ничего не поставлено. Она настолько примитивно истолкована, что ее нет в сущностном порядке вещей, она отправлена на сбросовый отвал, на свалку, которой стала вся культура, на задворках которой притулился поэт, смотрящий совсем в другую сторону, и его телесно-вещный состав растворяется в сумерках, где начинается свечение того Ока, которое всегда в экстазе, наблюдая нечто, куда открыт доступ нерожденным.

И все же, что означает эта *возвратность* поэтического дыхания? Нам осталась знаменитая формула Хайдеггера: «Поэты – это те смертные, что, всерьез воспевая бога виноделия, чуют следы скрывшихся богов, не сходят с этих следов и таким образом показывают родственным смертным путь к Повороту». Повороту куда? В ту местность, где *дуэнде* господствовало, где первочеловечество *жительствовавало поэтически*. Такова догадка Гельдерлина/Хайдеггера. Некогда боги научили людей мудрому пути, для чего посоветовали жить не так или этак, не интеллектуально-проективно и не экономически-гедонистически etc., а поэтически. Что это значило? «Это значило, – писал Хайдеггер, – находиться в присутствии богов и быть потрясенным сущностной близостью вещей». Боги передали людям ключ к мудрой жизни, объяснив, что универсум есть гигантское поэтическое Целое и потому мудро жить означает осуществлять иерархию-в-духе. В проект человека входило трепетно признавать водительство богов.

Поэты-в-истине занимаются рискованной работой: черпают из бытия (не из жизни). «Создавать – значит черпать. Черпать из источника означает: принимать натекающее и приносить воспринятое. Более рискованная отвага того, кто послушен в волевом служении, не делает ничего. Она воспринимает и передает воспринятое... Более рискованная отвага свершает, осуществляет, но не производит...» Эти слова германского мастера словно бы парафраз из Лао-цзы.

Некогда все земляне *жительствовали поэтически*, отнюдь не сочиняя гимнов. Вот этой реликтовой памятью о «нормальном положении в космосе» и живут с тех пор все истинные поэты.

Признаюсь, что писал я эти заметки отчасти под впечатлением только что сделанного мною перевода на русский эссе Хайдеггера «Гельдерлин и сущность поэзии».